

А. ЗАВАДЬЕ

В средневековой
школе

Художник К. БЕЗБОРОДОВ

Несладко жилось Паулю после смерти отца. Колотушки да попрёки. За обедом мачеха приговаривает: «Ишь, мал, как червяк, а до чего прожорлив!» А её родной сын добавляет: «Черви—они всегда прожорливы!»

Вырос Пауль в деревне, никогда не бывал в городе. Всё ему тут интересно. Вывеска: на ней три медведя нарисованы. А мачеха не даёт разглядеть. Тянет дальше.

Привела на школьный двор, что при церкви святого Кириака. Пошептала с учителем и напоследок сказала: «Учиться будешь. Даст бог, на священника выучишься. Вспомни тогда мой даровой хлеб и заботы. А домой возвращаться не думай!»⁴

Человек в рясе, сухой, длинный, с недовольным лицом — учитель Фузелин. Подвёл он к Паулю какого-то рыжего парня: «Вот, Йост, новенький у нас, Пауль Вурст. Пригляди, чтобы не потерялся».

Зашагал куда-то Фузелин, а за ним ученики и Йост с Пау-
лем. Рассказывает Йост: «Отец мой, Конрад, держит ма-
стерскую на улице Трёх медведей. Слышал про мыловара
Конрада? Нет? Что ты за человек! Да моего отца каждый
знает!»

Пришли к речке, где рос лозняк. Фузелин распорядился:
«Побольше рвите лозы, чтобы до рождества хватило!» —
«Йост, а зачем она, лоза-то?» — «Узнаешь, желторотик!»

—«Йост, а кто эти парни усатые? Тоже ученики?» — «Бродячие школяры они. Бродили по школам и к нам забрели. Лет по двадцать им. Этот Бенцо. Он весёлый. А тот Курт. От него подальше держись, не то «стрелком» тебя сделает». ☐

Розгами запаслись — можно учение начинать. Сидит Пауль рядом с Йостом. Справа — старшие ученики. У них восковые таблички на коленях.

Что самое главное для доброго христианина? Самое главное—молитвы знать. А молитвы все на латинском языке. И книги на латыни. Без латыни—ни науки, ни церковного служения. Читает Фузелин слова святой молитвы, и все должны ему внимать и тихим голосом повторять...

«...Патер ностер ... санктифичетур номен туум ... сикут ин кёло
эт ин terra»... («Отче наш ... да славится имя твое ... как на
небесах, так и на земле»).

—«Йост, ты что-нибудь понимаешь? Ты ведь второй год в школе». —«Нет... Патерь ностерь—это отче наш, господь, значит, а дальше не знаю. У меня, Фузелин говорит, голова тупая. Чего не понимаю, того и запомнить не могу».

—«Пауль Вурст, повтори!» — «Пар ... нос ... тиф ... тур ... сикут ...
секут ...» — «Что ты мелешь? Это же латынь! Наказанье учить
таких тупиц! Да, тупая твоя башка, секут и ещё как секут!
Эй, Бенцо, подай розги!»

Вот и не успел Пауль начать учение, как узнал, для чего лозой запасались. Эх, сладок плод учения, да горек корень!¹⁴

А Бенцо утешает: «Это что! Меня однажды за день 15 раз высекли! А вон в монастыре святого Эгидия перед каждым праздником всех секут—виноват, не виноват. Попробовали бы монашеских розог, вам фузелиновы райской кашей показались бы!»

Заполнен город воплями школяров. В школах вопят—под розгами растут, на улицах вопят—подавание просят. (Почти все ученики—из бедноты; какой же богатый отдаст детей на школьное мучение? Дома учит.) А чем сильнее вопишь, тем скорей подадут—лишь бы вопли под окном прекратить.

Вечерами в каморках Курт мешки осматривает. Что лучше—себе берёт. Пауль сунул объедок за пазуху. Не тут-то было. Курт легко, как пустой мешок, опрокинул его вниз головой: «Берегись, все кишки из тебя вытряхну!..

С этого дня моим «стрелком» будешь. Ты щуплый, хилый, тебе больше дадут. Только плачь посильней». Пауль слёзы льёт, клянчит. Курт к себе в мешок добычу перекладывает. 18

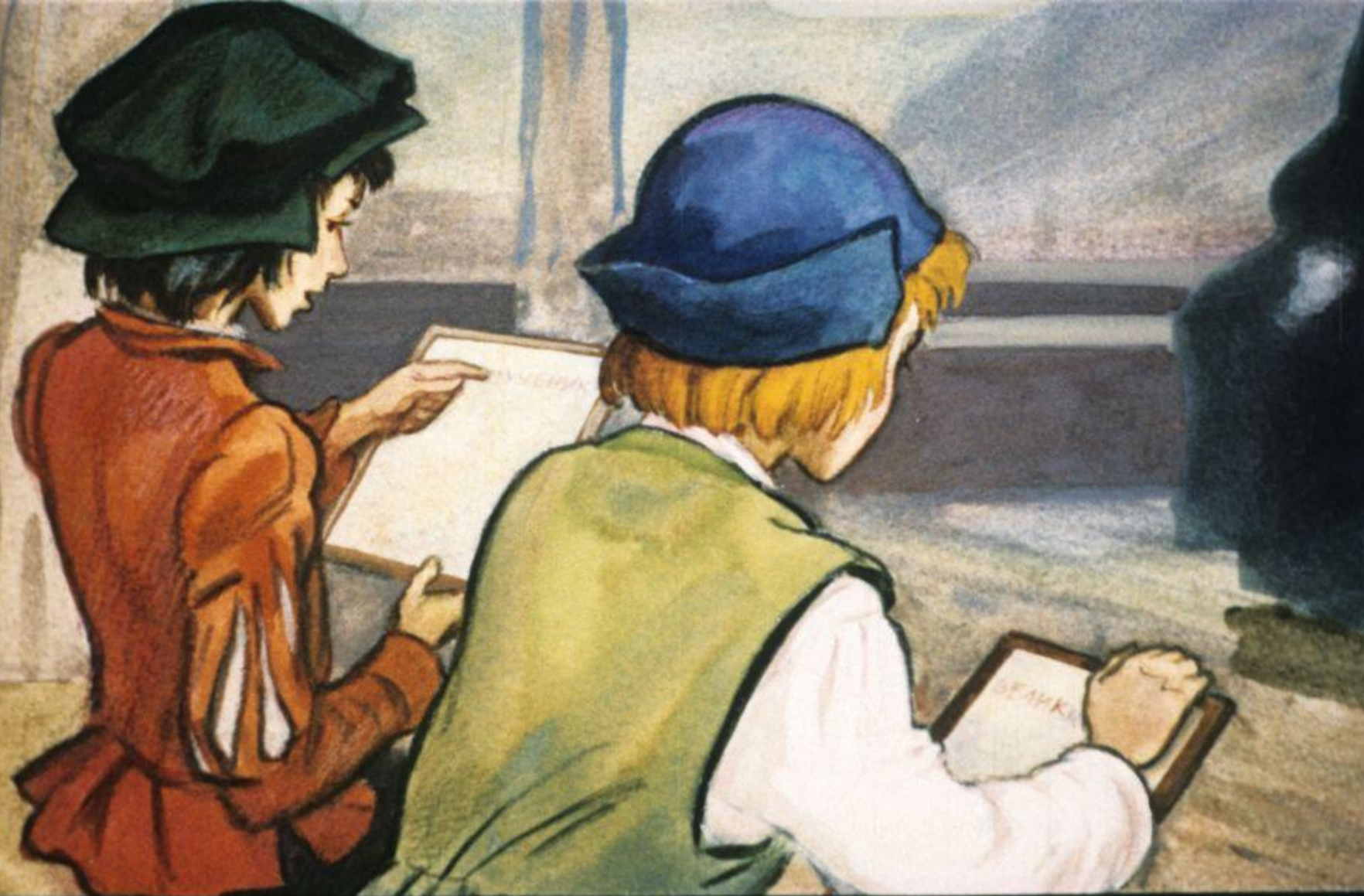
Хоть и вечно голодный, обвыкся Пауль в школе. Память у него хорошая: услышит—запомнит. И Йосту стал помогать. Пригласил его Йост к себе: «У нас столоваться будешь».

За столом мастер Конрад с подмастерьями. Супруга его, Адельгейда за Паулем ухаживает: «Ешь, сынок, отоцал, христарадничая. И нашего Йоста не оставь». А Йост недоволен: «Эх, освободили бы вы меня, матушка, от этого учения. Лучше бы я с отцом мыло варил...»

Вмешивается сам мастер Конрад: «Ты эти мысли брось, сынок. И прадед твой, и дед мыло варили. Должен же в нашем роду хоть один в священники выйти. Кому почёт и богатство?!»²¹

Перебрались Пауль и Йост в грамматический класс. Получили восковые таблички. На них рукой Фузелина буквы написаны. Буквы надо складывать в слоги, а слоги—в слова. Так за год-другой читать и научишься.

—Глянь, Пауль, мне сегодня Фузелин такое же слово написал, как тебе. Длинное, как гусеница! Давай разделим его пополам: мне начало, тебе конец. А потом сложим.

Вэ-е-ве-эл-вел-и-вели-ка-... Похоже, великан...»

—«У-че-уче-эн-учен-и-учени-ка-ученик. Йост, у тебя что получилось?»—«У меня—великан. А у тебя?»—«У меня—ученик. Выходит: великан-ученик».

—«Ну, что ты там прочитал, Йост? Что?! Великан-ученик! Что за чушь! Дай-ка твою табличку. Ве-ли-ко-му-че-ник! Болван!»

Прознал Курт про обеда в доме Йоста, отозвал Пауля:
 «Вот что, заморыш, если не хочешь, чтобы я из тебя все
 кишки вытряхнул, стащи кубок серебряный у Конрада. Я те-
 бя с друзьями поджидать буду. От меня не отвертись!» [27]

Пообедали. Тепло. Уютно. А у Пауля сердце холодеет. Подвёл Йоста к окну: «Куда я теперь? Вон они меня ждутся...»

А госпожа Адельгейда, не долго думая, подхватила лохань с помоями и—в окно на непрошенных гостей.

Что тут началось! Разбушевалась ватага. Камни в окна полетели. Орут: «Выдайте Пауля! Не то сгноим вас всех в осаде!» Бушуют, не расходятся, хотя за вечерело. И не заметили, как чья-то тень позади дома промелькнула...

Вдруг с двух сторон тесной улочки появились дюжие ребята—весь цех мыловаров. Впереди мастер Конрад: «Мыловары, за мной!» Пошли в ход дубинки. Кто ребра не досчитался, пеняй на себя!

Исчез Курт. Как ветром сдуло. Пауль вздохнул облегчённо и взялся за учение. Спасибо Фузелину, дал ему свою грамматику переписать. Ведь и у самого Фузелина книг всего две, и обе от руки переписанные: словарик латинский и грамматика, называемая «Береги зад»...

А время идёт... Перешёл Пауль в арифметический класс. И Йост с ним. То ли Пауль помог, то ли окорока, которые мастер Конрад подносил по праздникам Фузелину.

Заодно с арифметикой преподаёт Фузелин начатки геометрии. Большему в школе святого Кириака не учат. Большого и сам Фузелин не знает.

—«Итак, для чего мы учим арифметику, Йост?»—«Я так думаю, чтобы уметь деньги сосчитать... Вот ещё когда мыло в лавке отвешиваешь, тоже надо уметь считать...»—«Ты думаешь! А надо не думать, а знать! Скажи, Пауль!»

—«Арифметику мы учим для того, чтобы знать, как ничтожно число дней, отведённых господом человеку на земле!»—
«Верно, верно! А для чего мы учим геометрию, Йост?»

—«Геометрию? Чтобы землю измерять... На ней постройки возводят. Вот когда новую башню городскую строили, я заметил, мастера там сначала всё обмерили...»

—«Постройки! До чего же ты туп, Йост! Скажи, Пауль!»—
«Геометрию мы учим для того, чтобы измерять землю, в
которую отойдёт после смерти наше тело!»—«Молодец! Из
тебя, Пауль, выйдет добрый монах!»

Призвал Фузелин мастера Конрада, поднёс к лицу его ладонь и ткнул в неё пальцем: «Твоему парню так же школу не кончить, как мне не проткнуть пальцем ладони». — «Парень-то смыслённый...» — «Не всякому дано божественные предметы постигать, мастер Конрад!»

А Пауль дотянул до конца. Куда же дальше? В монастырь? Хоть и лоснятся сытые лица монахов, а не хочет Пауль в монастырь. Слышал он о знаменитом Пражском университете. Медицинский факультет там есть...

—«Прощай, Пауль, не пошли мне в башку божественные премудрости». — «Не горюй, Йост, и мыловаром быть неплохо!» 41

Повернулся Пауль и быстро зашагал. Не заметил бы Йост, как слёзы навернулись на глаза... За плечами котомка, в ней грамматика и словарик, подаренный доброй Адельгейдой. Шагает Пауль по дороге, что ведёт в чешские земли. А там—что будет, то будет. Нелегка она, доля школярская! 42

КОНЕЦ

Диафильм по истории средних веков для 6 класса
сделан по заказу Министерства просвещения СССР

Художественный редактор Г. Равинская

Редактор В. Чернина

Д-314-75

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1975 г.

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7

Цветной

